

ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА

Домовая мурда

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Мы тут прописаны

Роман поколения

Евгения Некрасова

Домовая любовь

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Некрасова Е. И.

Домовая любовь / Е. И. Некрасова — «Издательство АСТ»,
2021 — (Роман поколения)

ISBN 978-5-17-144906-3

Евгения Некрасова – писательница, сокураторка Школы литературных практик. Цикл прозы «Несчастливая Москва» удостоен премии «Лицей», а дебютный роман «Калечина-Малечина» и сборник рассказов «Сестромам» входили в короткие списки премии «НОС». Новый сборник «Домовая любовь» – это рассказы, повести и поэмы о поиске своего места, преодолении одиночества и сломе установок; своего рода художественное исследование дома и семьи. Как и в предыдущих книгах, в изображение российской повседневности встроены фольклорные мотивы. «Магический реализм нас обманул. Настала пора магического пессимизма» (Егор Михайлов. Афиша Daily). Тексты публикуются в соответствии с авторскими орфографией и пунктуацией. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-144906-3

© Некрасова Е. И., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Квартирай	7
Дверь	17
Весы	27
Банкоматъ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгения Некрасова

Домовая любовь

(рассказы, повести, поэмы)

В оформлении использованы иллюстрации *Евгении Некрасовой*

Фотография на переплёте *Марины Козинаки*

© Некрасова Е.И., текст, иллюстрации, 2021

© Марина Козинаки, фото

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Евгения Некрасова – писательница, сокураторка Школы литературных практик. Цикл прозы «Несчастливая Москва» удостоен премии «Лицей», а дебютный роман «Калечина-Малечина» и сборник рассказов «Сестромам» входили в короткие списки премии «НОС».

* * *

«Героини Некрасовой говорят с древними божевами и переименовывают мир вокруг – другими словами, они его строят и перекраивают под себя. Для этого у них нет никаких привилегий, им не на кого рассчитывать. Возможно, в этом и есть их сила».

Оксана Васякина, поэтесса

«Евгения Некрасова идет лабиринтами спальных районов и собирает нерасказанные истории об испытании – большим городом и маленькой зарплатой, любовью и нелюбовью и, наконец, самым главным и самым трудным – самой собой».

Ирина Карпова, «kimkibabaduk»

Предисловие

Как-то я рассказала Жене Некрасовой, что главным государственным праздником в Латвии – что советской, что европейской – был и остаётся не Новый год, не Рождество, а день летнего солнцестояния. Примат языческого над христианским привёл её в восторг. Проза Некрасовой – дохристианская, досоциальная – всегда об отдельном, сокрытом от других человеке, выстраивающем, минуя общество, собственные мифологичные отношения с миром. Это начальная, наивная – потому самая честная стадия мировосприятия. Так ребёнок обесстрашивает жизнь с помощью хитрой системы верований и ритуалов. Первые опыты Некрасовой – «Калечина-малечина», «Сестромам» – сосредоточены именно на детстве, том периоде жизни, когда ты один на один с миром. «Домовая любовь» – буквально по названию – на доме, где ты одинок осознанно. Дом тут – и *home* (личное пространство), и *house* (сооружение с дверью), и *building* (сооружение с некоторой эстетической доминантой). Любимые писательницей конструктивистские шедевры оживают, чтобы их наконец заметили живущие в них люди («Сила мечты»). Малогабаритная квартира, вместо того чтобы вмещать семью, сама становится семьёй («Квартирай»). Человек, для которого дом – озеро Байкал, оборачивается ластиногим («Кумуткан»). Последняя из упомянутых вещей – об этом говорит и название – разом современная / литературная сказка и традиционное / устное сказание, микс «Алых парусов» и преданий народов Севера. Этническое прельщает Некрасову так же, как детское – своей непосредственностью и неподдельностью. А заглавная вещь («Домовая любовь») – напевный то ли заговор, то ли плач о жизни домовых в многоэтажках. Домовые, кикиморы, духи озёр, неродившихся детей и малогабаритных панелек – Некрасова поверяет реальность мифом, и та почему-то выходит реальнее, овеществлённое любой другой.

Ольга Шакина

Квартирай

Зина взяла и купила квартирай. Но омосковилась она ещё до этого. Приезжала в свой маленький заводской моногород, выделялась разноцветным пятном среди хрущёвок и многоэтажных панелек. Удивляла зрение местных бритыми висками. Рюкзаком вместо сумки. Кроссовками вместо туфель. На неё смотрели сначала с некоторым интересом, настоящим на неприязни и зависти к дальнему, чужому, недоступному, а потом уставали, переключались на свои дела. Зина выросла на этом асфальте, среди этих людей, а смотрелась так, будто только что приземлилась здесь, прилетела с другой планеты. Это Москва в тебе вирусом засела, говорила мать. Изначально, когда Зина в Москву только уехала учиться, столица матери нравилась, но теперь мать точно знала, что Москва – это болезнь. Дочери близилось тридцать два, а она и не думала выходить замуж, рожать детей, выглядела как неправильный подросток, говорила неясные и ненужные вещи и жила так, что только много работала и много развлекалась. То есть не хотела брать на себя обычную женскую ответственность за жизни людей. Не хотела служить многочисленным другим, как должны были делать все женщины, она хотела служить только себе. А Зина удивлялась местным, особенно ровесникам, застывшим в бетоне моногорода. Они уже обросли детьми, работами, хозяйствами, обязанностями и переняли бесшовно привычки, традиции и ритуалы своих родителей – болезни, алкоголизм, поездки на дачу, походки, способы общения с детьми, манеру одеваться. Зина думала, что это происходило из-за того, что все жили совсем рядом, город был таким, что самые далёкие дома располагались в 20 минутах ходьбы друг от друга – старшие и молодые постоянно варились в одном семейном супе, давно знакомом, где плавали всё те же эмоции и события, накопленные веками. А некоторые взрослые дети и вовсе приводили своих мужей или жён в родительские квартиры и уплотняли их потом собственными детьми.

Во время одного из своих приездов Зина ждала лифт и увидела соседку по многоэтажке. Когда-то в детстве они играли вместе, соседка была на год старше. Она и её двухлетка спускались по лестнице со своего второго. Зина знала, что соседка так и осталась жить с родителями в квартире, поселилась с мужем в своей детской комнате, а потом родила в неё же ребёнка. И вот теперь он шёл впереди, а Зинина соседка, как и положено матери, гордо и терпеливо, одновременно контролируя следила за ним и спускалась на лестницу выше. Двухлетний человек придерживался лапками за прожжённые, залитые мочой, разрисованные фломастером стены. Туалетный запах, битые и серые от людей и времени окна. Зина помнила, что стеклянные осколки торчали ровно там же, где и 25 лет назад. Подъезд не изменился, разве что постарел, покрылся пылью, надписями. Зина удивлялась, что соседка его не замечала и не видела, на какие стены опираются маленькие пальцы её ребёнка.

Не всё было так железобетонно. Парень из параллельного класса держал голубятню. Бывшая одноклассница любила комиксы и пыталась делать в городе подростковую студию, её, правда, быстро закрыли родители. Девушка, через несколько домов от старозиненого, усыновила четырёх детей из интерната. Определённо, у неё был муж, но почему-то, когда обсуждали эту её историю, упоминали только её. Несколько знакомых работали на заводе инженерами. Один из них в свободное время построил дачный дом в виде летающей тарелки. Его жена стыдилась, город водил пальцами у висков. Девушка из параллельного класса мечтала открыть пиццерию и вроде даже открыла, но потом Зина, заехав в город на пару недель на пятый год своего пребывания в Москве, увидела её, пересекающую главный городской проспект в полицейской форме. Многие Зинины местные знакомые ушли на чиновничьи службы, в МФЦ, в полицию, в соцзащиту. Все-все-все эти люди выглядели и держались очень взросло, серьёзно, часто устало. Всё-всё-всё это было обычно и называлось жизнью. Зина думала, что есть жизнь-жизнь, когда её отвлекаешь, увлекаешь и отковыриваешь в ней что-то новое, другое, оказы-

ваешься на новой улице хотя бы два раза в год, а есть жизнь-движение-к-смерти, когда её уже просто привычно пережёвываешь, а она – тебя. Как многие в городе. Даже тот человек, что построил дачу в виде НЛО. Но он всё понял и хотел улететь отсюда.

Сейчас Зина в крупной компании, клиенты которой были крупные компании. Она ещё не добилась того, чтобы работать всегда на удалёнке, но уже два года ходила в офис без пятниц, планировала ещё отрезать четверги. Это была её третья по счёту профессия. В первые годы в Москве она дизайнерила, потом работала какое-то время в музеях, курировала там выставки и от визуалки ушла к текстам, решила вернуться к зарабатыванию и вот теперь занялась *smm*. Работа ей нравилась. Мать укачивало от частых Зининых радикальных поворотов. Она проработала медсестрой в неменяющейся местной больнице последние 30 лет. А все Зинины профессии были новыми, неизвестными в городе, никто не мог понять, чем она занимается. Мать до сих пор не могла поверить, что Зине платили 100 тысяч в месяц просто за тексты. Она боялась гордиться дочерью, так как жизнь той казалась ей ненастоящей. Даже отказывалась от неё принимать деньги, нехотя соглашалась, когда дочь покупала ей в квартиру мебель и технику.

Зинин отец ей гордился и не был против ничего нового. Он ушёл, когда ей было девять, в новую семью, потом через пять лет снова ушёл в новую семью. Точнее, он создавал каждый раз новую семью с новой женщиной. И всё в границах моногорода, поэтому Зина выросла, как героиня латиноамериканского сериала, натываясь на своих сводных сестёр, отца или его жён в магазинах, на рынке, на главном проспекте с революционным названием. Из-за такой отцовской подвижности Зина была моногородской селебрити, семейные дела которой всё время попадали в таблоиды местных скамеек. С сёстрами они часто виделись ещё в школе. Не общались, общупывали друг друга взглядами, пытаясь понять, у кого из них лучше и дороже одежда. Поначалу Зина сильно ненавидела отца, а потом ей стало всё равно. Он вахтовал на Севере, и сейчас Зина совсем уже без боли думала, что у него там тоже две-три семьи. Мать Зины, раньше сталкиваясь с промежуточной и последней женой бывшего мужа, тоже ревниво проверяла их взглядом. Теперь она к ним охладела, а изучала при встрече сводных сестёр дочери, жутко ревновала и мучилась. Они жили нормально, понятно. Одна, самая младшая, была уже разведена, воспитывала двух детей, вторая была ещё с мужем и воспитывала одного. Вид их потомства и колясок заставлял мать завидовать, страдать и злиться, её муж сумел получить много детей и уже три раза стать дедом, а она всё оставалась без продолжения из-за этой самой дочериной инопланетной жизни. Зина, встречая их, опять удивлялась, как быстро они сумели превратиться в своих матерей. Все Зинины знакомые, даже на десяток лет младше, выглядели и вели себя старше её. Они будто уже отжили своё и уступили своим детям не потому, что так было необходимо, а потому, что так было принято. Зина пыталась обсуждать это с матерью, но та её не понимала. Ещё мать почему-то не любила слушать про то, как дочь проводила дни вне работы. Когда Зина пыталась ей рассказать про новую выставку или спектакль, на которые сходила, или про новый город и страну, в которых побывала, мать быстро переводила тему, будто Зина рассказывала что-то неприятное и болезненное.

Ей не понравилась дочерина новость про покупку квартиры в Москве. Во-первых, её пугала ипотека, то есть дочерино многолетнее рабствование. А во-вторых, квартирой совершенно не походил на привычное жильё, судя по картинкам, которые Зина пересылала. Хотя бы многоэтажка, даже под 30 этажей, но каких-то не таких, как обычно, цвета и материала. Зина давно хотела купить жильё в Москве, это был понятный и финальный шаг в омоскóвинии, в её личной колонизации этой вот другой планеты, которая уже давно стала её. Зина, как и все, много лет снимала тут комнаты и квартиры. Москва ей нравилась за постоянную способность меняться, двигаться вперёд, то есть жить. И движение это топилось не столько деньгами (большая часть которых выжималась из провинции), а огнём в глазах людей и их постоянной неуспокоенностью. Москва менялась сама и давала жителям возможность меняться, переучиваться, перезапускаться.

В её прежнем городе Зину обзывали резиной, иногда гондонкой. Резиной её называли учителя. Гондонкой – одноклассники. В Москве ей пару раз сказали, услышав её теперь редкое, звенящее и тянущееся имя, что оно похоже на «зин». Она потом верстала зины для друзей и пару раз в год делала свой собственный зин про СуперЗину – супергероиню в современной Москве. Полгода назад Зина поняла, что скопила достаточный первоначальный взнос, и принялась искать квартиру. Хрущёвки ей казались тёмными и душными, сталинки – прогнившими и зловещими, в частности из-за своего имени, конструктивизм и дореволюционные пугали своей трухлявостью и казённостью. Советские и позднесоветские многоэтажки просто были очень некрасивы: всегда панельные, бледные и уверенные, как поганки, с дворами-парковками. Но главное – Зина не хотела себе напывавшегося чужими судьбами, запахами, ужасами, разочарованиями и счастьями жилья. Новострой тоже был довольно страшен и безжалостен. А Зина хотела квартирай. И именно квартиру, никаких апартаментов – Зине нужна была московская прописка. Она лечилась за деньги, но ей бы пригодился постоянный доступ к бесплатной медицине. Однажды, сгибаясь от приступа эндометриоза, Зина приползла в расположенную рядом женскую консультацию, но её не приняли, узнав, что она тут рядом всего лишь живёт, но не прописана. Зине было плохо, и она кричала, что её жизнь для них менее важна, чем отметка в паспорте. Потом уже, придя в себя на съёмной квартире после сна и обезболивающего, Зина поняла, что так оно и было.

Ещё ей, разумеется, мечталось иметь право голоса в том городе, где она живёт, но главное – всё равно прописка, потому что она до сих пор ощущала свою юношескую ментобоязнь. Она ещё застала то время, когда в метро, на вокзалах, просто на улице менты зарабатывали тем, что останавливали приезжих и спрашивали у них регистрацию. С той часто были сложности, особенно после того, как Зина закончила учиться и выехала из общежития. У них с друзьями выработался целый ряд антиостановочных мер: существовал список станций метро, где патрулировали меньше или очень редко. Считалось отчего-то, что менты никогда не останавливали влюблённые пары, а одна Зинина подруга с идеальным зрением купила очки без диоптрий и носила их в транспорте – она уверяла, что в них её не останавливают. Сейчас менты выбирали из толпы только людей с азиатской внешностью. Наше проклятье перешло на них – говорила та самая подруга, которая раньше носила специальные антиментовские очки и до сих пор жила в съёмной квартире без регистрации. Но Зине всё равно нужен был квартирай.

И она его нашла. Это был ЖК, современный, нездешний, многоэтажный и похожий на нью-йоркские высотки. Район был жидко-застроен, утопал в лесу, находился на юго-западе города, но не так далеко от центра. Двор – не асфальтовая парковка с пластиковой разноцветной игровой площадкой и грязно-белой трансформаторной будкой посередине, а зелёный парк с деревянными скамейками и качелями. Парковка вынесена за двор, сам он огорожен не тюремным забором, а плотной живой изгородью. В каждом подъезде находились по три лифта и настоящее лобби с диванами. Квартирай Зины возвышался на евангельском двенадцатом. Он был евродвушкой: кухня совмещалась с гостиной, смотрела во двор, а спальня глядела на лес и пруд. В коридоре и спальне пряталось по гардеробной. Метро недавно вырыли в 15 минутах ходьбы. Магазины, кафе, поликлиника неподалёку. Тут всё было для жизни.

Зина купила квартирай ещё голым, и теперь там шёл ремонт. Дизайнерский план она составила сама вместе со знакомой архитекторкой. Когда Зина спрашивала мать, почему ей не нравится квартирай, та говорила разное: лишь бы тебе нравилось; ну не похоже на наше российское жильё; ну всё равно же не твоё – ипотечное. А однажды сказала, что лучше бы Зина нашла себе московского мальчика с квартирой в центре, как это ещё 10 лет назад сделала учившаяся с ней в параллели такая-то. В их моногороде в каждом поколении была девочка, которая находила себе московского мужа с квартирой в центре. Метро, площадь жилища, количество комнат обсуждались среди населения моногорода. Зина отвечала матери, что она теперь сама этот московский мальчик с квартирой в центре, только не мальчик и не в центре. Они обе

понимали, что квартирай – окончательный шаг к по-зининому свободной, по-материному – ненормальной жизни. На то он и квартирай.

Зина выбрала средиземноморский стиль – светлые стены, обои и плитка с яркими разноцветными элементами. Купив квартирай и собравшись сделать ремонт, Зина впервые оказалась втянутой в системный национализм вперемешку с крепостничеством. Ей предложили на выбор украинскую или таджикскую бригаду. Украинская была сама надёжная, как ей пообещали, но самая дорогая. Таджикская была дешёвая, но ненадёжная, объяснили ей. Она спросила, как навыки укладки плитки зависят от национальности. На неё посмотрели смурно и предложили определиться, а то все бригады были нарасхват: многие помещики-квартировладельцы делали ремонт сейчас. Зина мучилась от этой необходимости выбора национальности рабочих. И маялась бы долго, но таджикскую бригаду забронировали на другой объект, и бригадир привёл украинскую. Пока в квартире шёл ремонт, Зина продолжала снимать квартиру на девятьсот-пятого-года.

Зинино дружеское окружение в Москве давно превратилось в привычную, уютную, тщательно подобранную семью. Новых людей там не появлялось, любовные отношения или секс ощущались бы инцестом, поэтому ещё год назад Зина перенесла то, что называлось личной жизнью, в тиндер. Она сразу ужаснулась тамошнему параду сексизма и объективации. Ей было стыдно поначалу свайпить влево: она понимала, что за любым селфи с голым торсом или вытянутыми уткой губами засоренная психика и множество комплексов. Свайпить влево означало выкинуть живую душу на помойку. С другой стороны, она не хотела насвайпить себе проблем. Здесь было сложнее, чем с ментами, проверяющими регистрацию. Никакая система не работала. Интуиция недоразумевала. Тантамарески постановочных фото плевали из себя порой хороших и интересных людей. А самые простые, человечные изображения и ёмкий анкетный копирайт скрывали иногда под собою монстров. Зина знакомилась и с мальчиками, и с девочками. С первыми было, как обычно, значительно хуже. Даже отправив вправо не самые самолюблённые анкеты, успешно преодолев первый этап переписки, отсеяв маниакально самолюблённых и злых, при встрече Зина проваливалась в плесень сексизма и объективации. Один юрист, выпускник МГУ, возмутился на свидании тем, что она была одета в слишком объёмный свитер и грудь её недостаточно просматривалась. Один режиссёр кино сразу же объяснил Зине, что у неё слишком толстые руки и ей необходимо изменить диету. С ходу принялся объяснять, чем именно она должна питаться для тонких рук. Зина слушала его, не веря, что он вот это всё говорит, а потом на его глазах заказала себе бургер, дальше – десерт. Бургер он стерпел, а на десерте ушёл, крупно обидевшись и обозвав её жирной дурой. За его греческий салат Зина заплатила сама.

Девушки были чувствительней, аккуратней, обходились без прямых оскорблений, но свидания с ними часто превращались во взаимную психотерапию. Зина наталкивалась на изморёнными отношениями с мужчинами молодых женщин (в общепринятом понимании очень красивых и сильноуспешных), которые хотели восстановиться в отношениях с другими женщинами. Их Зина понимала. К мужчинам бесполезно было обращаться за подзарядкой. Но всё это было энергозатратно, Зина начала уставать от беззаботной избалованности парней и от измученности девушек. Однажды она вдруг взяла и отредактировала свою анкету на секс. После лавины дикпиков со временем вдруг стало лучше, проще и спокойнее. Может быть, ей везло или у неё наконец сформировалось чутьё. Люди теперь попадались спокойные и открытые. Зина снова ощущала себя героиней сериала, но не латиноамериканского, а британского или американского. То есть такого, где не просто чувствовали и делали, а где обсуждали то, что чувствовали, и договаривались о том, что делали. И странно – секс случался вовсе не всегда, и он был не обязателен. Зине даже удалось завести пару хороших приятельств через эти свидания. Один высокий до невозможности айтишник Рома любил тяжкое современное авторское кино. Он знал все кинотеатры в городе, где показывали артхаус. Рома приглашал Зину, покупал два

огромных ведра попкорна, они сидели среди пустых красных кресел, похожих на кровавые беззубые дёсна, и жевали кукурузу под очередную медленную восточноевропейскую или азиатскую картину. Зина ночевала однажды у него дома, и они спали в одной кровати – больше нигде было. Рома жил в студии, переделанной из бывшей коммунальной комнаты. Когда Зина почти уже заснула, он осторожно пододвинулся к ней и попросил просто обнять его. И всё. Так она и сделала. Они проспали обнявшись всю ночь. Он признался как-то, что устал от того, что все его отношения плохо заканчиваются. А ещё, что родители его усыновили в начале 90-х. Через несколько месяцев после их с Зиной знакомства он получил в УК контракт, олондонovel, снял себе студию в Камдене. Иногда они созванивались, обсуждали кино и сериалы.

Вторая Зинина тиндерная хорошая знакомая, рыжая Лола, была смешной и сверхживой. Её жизнерадостность не соответствовала её биографии, будто всю её историю ей подсунули. Лола выросла в сибирском населённом пункте, мать работала на заводе, а отец на шахте. Там произошёл взрыв, и отец погиб. Мать запила. Лола вырастила себя сама и поступила в Москве в Лит, вышла замуж за поэта и родила ребёнка. Её – неясно-откудову дочь алкоголички – со скрипом пустили в отборную московскую семью, из которой поэт происходил. Его не печатали, да он и не писал особо, а Лолу начали публиковать, и она находила себе подработки и выучила дополнительный язык. В итоге они развелись, ребёнка пытались отобрать родственники, Лола ушла из двушки на «Академической», подаренной поэту роднёй. Спустя несколько лет мытарств по съёмным комнатам, Лола нашла постоянную работу переводчиком, напечатала три сборника, купила хрущёвку в Кунцеве и устроила дочку в хорошую школу. Ты суперЛола, говорила Зина. Лоле нравилась Зинина конструктивистская съёмная однушка – много света, говорила она. Лола прекрасно шутила и целовалась лучше всех на свете. После их встреч Зина чувствовала себя сильнее. Будто вместе с поцелуями Лола вдыхала в Зину жизнь.

Встречавшиеся Зине мужчины, даже отфильтрованные, проигрывали женщинам. Дело было не в сексе. Просто с ними Зине стремительно становилось скучно. Книжки читающие, кино смотрящие, её ценности разделяющие, почти-не-болеющие условно патогенным сексизмом мужчины заставляли Зину зевать. Она сдерживала зевки во рту на свиданиях. Однажды, во время третьей встречи с парнем, который ей очень нравился внешне и с которым был приключенческий секс, Зина не выдержала накала скуки и спросила у него прямо, отчего ей так скучно с ним. Парень перестал мешать пасту – он был графическим дизайнером и классно готовил – без слов выпихнул Зину из своей двушки в девятиэтажке на Смоленке. Вот тогда ей сделалось весело, и она заготовила на весь подъезд, да так, что соседняя дверь обеспокоенно приоткрылась. Вот он – мальчик-с-квартирой-в-центре-Москвы. Зина спросила Лолу, отчего с мальчиками бывает так скучно. Та только ответила, что какая разница – посылаешь и живёшь дальше, и убежала забирать дочь из школы.

Однажды Зине позвонили и рассказали, что ремонт в квартире закончился. Она высвободила себе на неделю день. Утром помылась, нарядилась в брюки, вельветовый пиджак, блузку с восточным орнаментом, аквамариновые кроссовки. Предыдущим вечером ей принесли на девятьсот-пятого-года новую вазу, которую заказала через интернет. Зина положила её в рюкзак. У метро, ещё в своём съёмном районе, купила букет тюльпанов. Приехала в свой новый район, дошла до своего нового дома, поднялась в свой квартиру. Зашла в квартиру. Быстро выпроводила бригадира – ремонт был ок, такой, какой она заказывала. Но даже это неважно. Квартирой был, несомненно, живой и её. Для её жизни. Он глядел на лес, на виднеющиеся вдалеке верхушки Москвы. Зина смотрела глазами квартира, дышала вытяжкой квартира. Квартирой зашёл в неё. Она легла на переливающийся на солнце ламинат и почувствовала сильный экстаз. Со временем он потеряет мощь, но останется постоянным, её собственным и таким, каким она хочет. Её личный квартирой без чужого вкуса, без ошмётков чужой памяти. Зина любила его. Через какое-то время в домофон пропиликали. Это принесли кровать и тумбу. Зина улеглась на накрыватный матрас и, перелистывая варианты постельного

белья в телефоне, думала, кого и как привести в квартиру первым. Этот человек должен быть важным, хорошим, проверенным. Достойным квартирая. Ещё почти месяц ей жить на девятьсот-пятого-года. Сначала людей можно приводить туда, проверять, а потом уже одобренных впускать в квартиру. Можно было конечно пригласить Лолу, она хорошо ей знакомая и прекрасная, живая и смешная. Как раз для квартирая. Но у них с Зиной был перерыв. Зина начала влюбляться в Лолу, а Лола начала влюбляться в Зину, Зина была за, а Лола не хотела никаких серьёзностей – Зина почувствовала это. У неё было много работы плюс переезд. Не сговариваясь, они почти прекратили общение, ощущая, что это временно, но необходимо.

Зина пригласила пару человек на девятьсот-пятого-года, к одному она съездила домой в Царицыно. Достойного не появлялось. Все претенденты были скучны и занимали собой очень много пространства и времени. А квартирай нельзя было разочаровать, предать, оставить в нём дурные воспоминания. Ведь он был для настоящей и долгой жизни. Человека туда Зина собиралась привести временного, первого, не последнего, и именно первый был очень важен. На кровати в квартире уже появилось бельё, в ванной – ванна со шторкой, полотенце, на кухне – плита и мойка, стол, стулья, холодильник. Оставалось купить диван в кухню-гостиную, кресла, украсить стены и полы новыми красивыми вещами. И распределить старые. Время заканчивалось, надо было переезжать, а человек не находился. Зина рассказала хозяевам девятьсот-пятого-года, что не успела с ремонтом на своей квартире, и попросила ещё месяц с полной оплатой. Те согласились, но сказали ей принимать покупателей. Они продавали эту конструктивистскую однушку, Зина оказывалась тут последняя временная жиличка. По утрам и вечерам к ней приходили часто молодые семейные пары с риелторами. Если риелтор или риелторка были тоже молоды, то все они выглядели как компания друзей, которые пришли в музей, не разулись, но надели бахилы. Если риелтор или риелторка годились в отцы-матери своим клиентам, то музейный поход походил на семейный. Иногда приходили, наоборот, взрослые покупательницы с молодыми риелторами или в одиночку.

Все вероятные покупатели пытались включить воображение и избавиться от Зининых вещей и её самой, видеть только стены, сантехнику, потолок, окна, представить, что они могут с ними сделать. Зина понимала их, она знала, что такое искать свой собственный квартирай. Она же тем временем насвайпила Сергея-отоларинголога. Побывала у него дома с отличным ремонтом в двушке-хрущёвке, пригласила его на девятьсот-пятого-года. Он был чуть полноват, скучен только временами и совсем не эгоистичен в сексе, а даже наоборот, и волонтерствовал в поисковом отряде. Зина решила, что он подходит. Пригласила его в квартиру, он забрал её на машине от «Баррикадной». Рассказывал ей, как доставал руку пластмассового человека-паука из уха двухлетки, смеялся, Зина смеялась. Они ехали, пахучая ёлочка качалась от движения, Зина чуть дремала, темно, огни тянулись, ехать было спокойно и почти ласково. Тут она проснулась от резкого и склизкого гудка, дальше – крика: Сергей извергал из своего полного горла объёмные слова. Их подрезала синяя машина с вытянутой высокой спиной. Сергей кричал, что их чуть не убили. Он ехал за обидчиком, будто гнался, ругался и сигналил. Покраснел, голова его словно стала больше, глаза округлились и высунулись немного из век. Синяя машина свернула, Сергей замолчал и перестал сигналить. Зина вдруг стала тщательно и отчаянно копаться в рюкзаке и громко говорить, что забыла ключи от новой квартиры. Она попросила остановиться, Сергей механически послушался, она быстро вылезла из машины и прыгнула в вереницу людей, стремящихся куда-то вместе. Как давно омосковившаяся, она чувствовала, что они идут в метро.

Зина решила отказаться от идеи этого первого достойного человека в квартире. Надо было дособирать вещи. Заказать перевозку. Переехать. Дообустроить квартиру. За три дня до перемещения с девятьсот-пятого-года пришёл смотреть Саша. Зина дотянула, а теперь спешила. Она знала, что можно заказать услугу сборов и перевозки и ей бы хватило денег на лучшую и самую аккуратную фирму, но ей не хотелось, чтобы кто-то трогал её вещи. Они не

валялись, но лежали, сидели, толпились на полу, столах. Зина только что закончила сложный рабочий зум, уставшая, она начала вялую экскурсию – махание руками и монолог. Там вот кухня, санузел совмещённый, тут комната, счётчики, коммуналка 5500, соседи нормальные. Саша первый смотрел не на стены, не пытался раздеть их в своём воображении, сняв с них Зинины вещи и её саму. Он глядел на Зину, на выбранные ей, принесённые сюда предметы. Расспросил, как ей здесь жилось и куда теперь она переезжает. Зине стало приятно и понятно. Через пару дней Саша пришёл снова смотреть квартиру, Зина угостила его пастой, они говорили, потом ночь смыкалась, размыкалась, и они лежали среди коробковых пирамид.

На следующий день Зина переместилась с девятьсот-пятого-года в квартиру со всей своей жизнью, одеждой, обувью, гаджетами, книгами, бумагами, утварью, посудой, некоторой бытовой техникой, а главное, прошлым – нищим детством в моногороде, бедной юностью в Москве, работами и отношениями, людьми, на завязочки привязанными к Зине проектами, сексом, соцсетями. Самый свежий там был Саша. Знакомство с ним старомодное и странное, потому что случайное, неподготовленное. Так сейчас не случалось. Зина привыкла вбивать параметры поиска, отсматривать анкеты, процеживать негодящихся в переписках. Привыкла заказывать людей как еду или одежду – через интернет. Она чувствовала, что это всё равно нормально, они же точно так же заказывали её. Главное, что всё происходило взаимно и по согласию. Но даже до приложения знакомства были предсказуемые, понятные, подготовленные, свершившиеся в кругах общих друзей или проектов.

А Саша нашёлся сам. Просто сам пришёл в её жизнь. Зина догадывалась, что он подходит квартире. Дело не в том, что Саша очень нравился и подходил ей самой во всём. Она старалась быть рациональна, рассуждала, что влюблённость и страсть могут высохнуть, надо смотреть на то, что остаётся. Остаются совместные пространство и время. Саша удивлял Зину тем, что по сравнению со всеми мальчиками, с которыми она сооружала хоть какие-нибудь отношения прежде, ещё и дотиндеровские, он не стремился оттяпать у неё всё, не пытался заселиться полностью в её сознание и эмоции, раскидать по ним свои интересы и привычки. Он занимал мало места, но при этом был отдельным, живым и даже крупным человеком. Зина тяготела к немного полным мальчикам, она сначала волновалась, потом решила для себя, что это какой-то специальный её фетиш и ладно. Но такие, с чуть выдающимся животом, словно беременные собою же, не уместяющиеся в своём теле, чаще всего лезли на всеобщее, особенно женское пространство жизни, занимали его всё. А Саша нет. Он рассказывал, но не задавливал информацией, он слушал, но не делал вид, что слушает, чтобы наконец начать рассказывать что-то своё – ему действительно было интересно её прошлое, её мысли, её самочувствие, её желания. Да, он идеально годился в первопроходцы квартира. Зина даже иногда думала не просто пригласить его переночевать раз-два. А позвать жить. Но быстро передумывала.

И медлила, не приглашала. Говорила, что ещё не разобрала вещи. Но ведь неправда, потому что она сразу разобралась со всем, определила каждому предмету место в квартире ещё в первые двое суток после переезда. Просто она решила удостовериться, подождать, боялась, что что-то проявится. Саша был открыт, жил спокойно и без спешки, просматривался почти весь, но в нём ощущался какой-то один неясный, недоступный угол. Зина не стремилась туда, не могла понять, насколько сейчас важно туда прорваться, чтобы удостовериться, что квартира, её будущей жизни в нём, её ощущениям в нём ничего не угрожает. Впрочем, хоть Саша не претендовал на её пространство, он всё равно занял его – Зина думала теперь о Саше чаще и серьёзнее, чем о квартире. Поднявшись сюда, поселившись тут наконец, она не ощущала ожидаемого непрерывного блаженства, которое ожидалось в первое время здешнего пребывания. Всё довольно быстро превратилось в рутину: и законный лес, и средиземноморский ремонт, и чистые стены с потолками без жира и пыли чужой жизни. Зина понимала, что это Саша перетягивает всё эмоциональное Зинино внимание от квартиры, но это было ок для начала отношений. Квартирой был её, и она в него обязательно возвратится эмоционально.

Два-три раза в неделю она ночевала у Саши. Он был москвичом, но снимал однушку в текстильщиковой хрущёвке рядом с метро. Его мать жила недалеко, в двенадцатиэтажке. Возможно, тёмным Сашиним углом была мать, но Зина старалась так не думать и точно не хотела задавать вопросы. Но про мать он говорил с беспокойной нежностью, живой и настоящей. Это Зине нравилось, она никогда не смогла бы так рассказывать про свою. Та почувствовала словно (всё-таки когда-то Зина жила у неё внутри), что у дочери конструируется что-то вроде серьёзных отношений. Она писала в ватсап, задавала вопросы. Зина не признавалась – какой смысл, ещё ничего не ясно. Ещё не ступала Сашина нога в квартирае. Он был пригодным для жизни, даже очень, а вот Саша – неизвестно. В его съёмном месте было скупое и практичное – всё только по необходимости, будто жилец не хотел заселяться окончательно. Саша не занимался ничем чудесным или необычным, он вёл маленький спокойный бизнес – поставлял лампочки в хозяйственные магазины. Зине это тоже нравилось, а близкое географическое расположение Сашинной мамы к нему раздражало. Всего 4 остановки на маршрутке, говорил он. По московским меркам это почти как жить вместе с родителями в моногороде в одной квартире. Но Саша не навязывал Зине мать, не говорил о ней много, ровно распределял время и пространство между Зиной, родительницей и работой.

С Сашей было хорошо всё. Говорить, есть, спать, молчать, гулять, заниматься сексом. С Сашей никогда не скучалось, не хотелось зевать. Иногда Зина садилась на него. Они утыкались друг в друга лбами. Он обнимал её, придерживал снизу. Она накрывала, защищала его сверху. Так они могли сидеть десятками минут, пока не затекали тела. Обычно на раскладывающемся Сашинном диване. Зина представляла, где и как они будут сидеть так в квартирае. Она думала про диван на кухне-гостиной. Кровать в спальне не совсем для того.

Саша говорил негромко и спокойно, вытирал вымытую посуду полотенцем (Зина – никогда, ленилась), складывал свой диван-кровать по утрам, иначе по комнате сложно было передвигаться – часть пространства занимал склад лампочковых коробок. Саше всегда хватало места и времени. Ты умеешь жить – говорила ему Зина, которая всегда не успевала, делала всё в последний момент, опаздывала или приезжала раньше, задевала разложенные в домах и магазинах предметы. У Саши часто болела голова, он пил много таблеток, в том числе по рецепту от психиатра. Зина не задавала вопросов, это не экзотика, она сама жила на паксиле последние три года. Саша часто просыпался по ночам и не мог заснуть, лежал осторожно, не двигаясь, занимая ровно свою половину кровати. Зина иногда от этого тоже просыпалась, обнимала его, гладила его тело. Бывало, делала вид, что спит, и не отвлекалась на нежность – ясно ощущала тёмный Сашин угол, который увеличивался, проваливался, превращался в яму, а потом в огромный котлован. Зина лежала рядом с котлованом и боялась шелохнуться. По ночам в такие моменты ей становилось чрезвычайно страшно и холодно, она решала, что Сашу надо передумать, пересмотреть, но просыпалась утром, забывала, видела его и снова ощущала его как живого и настоящего человека. Своего человека.

Ещё Зина привыкла к Саше и его хрущёвке даже сильнее, чем к квартираю. Страшно, но текстильщикова однушка казалась ей уютней и милее её евродвушки в престижном, экологически чистом районе. Зина догадывалась, что это очарованность Сашей разделяла её с квартираем, заставляла полюбить старую, безремонтную квартирку. Зина сама поселила Сашу внутри себя, он и ещё работа занимали всё её время. Однажды, сидя в туалете, она заметила, что большой палец её правой руки болтается то влево, то вправо. Забытое движение свайпа. Она перестала ходить в тиндер, он обрастал непрсмотренными оповещениями, жил своей жизнью.

Зина принялась переживать, что квартирай не понравится Саше, покажется ему слишком вычурным, избыточным, незнакомым, чужим, высоким. Саша как-то сказал, что не любит многоэтажки – он искал себе низкое жильё, ему очень понравилась бывшая Зинина съёмная на девятьсот-пятого-года, светлая, на третьем этаже шестиэтажного конструктивистского дома.

Он хотел купить её и потому, что она его познакомила с Зиной, но Сашин банк, одобвивший ему ипотеку, оказался против деревянных перекрытий. Саша продолжил искать себе жильё дальше, но делал это, совсем не заступая на их с Зиной время, не таская её на просмотры, не скидывая ей ссылки, не пытаясь советоваться с ней. Ей даже сделалось обидно, что он не пускает её в свою жизнь, она сказала это прямо. Саша лишь ответил, что не хочет её грузить своими квартирными заботами, к тому же она недавно пережила нечто подобное. Сашу срочно надо было знакомить с квартираем. Зина начала продумывать событие. За сколько Сашу предупредить заранее, пригласить его днём или вечером, поехать на метро или на такси или попросить Сашу довезти их на машине, что приготовить, какое постелить бельё, какие погладить полотенца.

В одну из ночей, когда Зина ночевала у Саши, он проснулся. Зина проснулась тоже. Лежала и думала, погладить ли его или просто сделать вид, что она спит. Её испугало возможное ощущение котлована, потом ей очень хотелось поласкать Сашу. Она погладила его по голове, тем самым выдав, что бодрствует. И вдруг он взял всё её внимание – занял время и пространство полностью – и принялся рассказывать-рассказывать про себя-про себя, про то, как он много лет назад, подростком, ребёнком, мальчиком, спал в своей кровати тут недалеко, в соседнем районе, и как ударило, вспыхнуло, зазвенело, посыпалось, рухнуло. Он уснул снова, потом проснулся, запакованный прочно в налегающие стены. В ушах звенело, рот и глаза забились крошкой, но больше ничего не ощущалось. Зина слушала Сашу и чувствовала, что падает-летит в котлован.

Саша-подросток всё ещё лежал под своим одеялом, а сверху его ещё накрывала, неплотно прилегая к нему, вторым бетонным одеялом плита. Он лежал так неопределяемое для себя количество времени, не понимая, что и как произошло. Потом он снова заснул и проснулся в больнице. Саша никогда не говорил об отце, Зина не удивлялась: мало ли, среди её ровесников отцы – нераспространённая тема. Рассказывали про матерей, бабушек, дедушек, а про отцов никогда, даже если они были. Сашин отец погиб сразу после взрыва. Сашина мать выжила, потому что её не было дома, она уехала в эти дни в Воронежскую область на свадьбу к родственнице.

Зина помнила ощущение общего тогдашнего ужаса. Обычно было опасно всюду – на улицах, в магазинах, в школе, транспорте. Единственное спокойное, защищённое пространство – «дома», но, оказалось, нет, оказалось, нет. Зина помнила, как взрослые ходили на собрания во дворах. Как распределяли графики дежурств у подъездов, чаще всего мужчины. Отец приходил, предлагал себя, он был молод и готов не спать, дежурить поочерёдно у подъездов своей и первой, и второй семьи, но мать отправила его восвояси. Она сходила подежурила раз и больше не стала, ей хватало своих полутора смен в поликлинике. Её не упрекали, матери-одиночки тогда ещё не жили за каждой второй дверью, и их все жалели. Многие говорили, что у них скромный, далёкий от войны город и не Москва. Хотя взрывы случались не только там, но Зина запомнила, что Москва – город, где происходит не только всё самое интересное, но и самое страшное. Ещё она помнила, как в их монопоселении пропало на долгое время расслоение между жителями невысоких кирпичных и высоких панельных домов. Прежде первые считались более богатыми и благополучными. Вторые – неудачливыми, бедными, неблагополучными. Но тогда оказалось, что панельные лучше: плиты складывались друг на друга, образовывали ниши, где можно было выжить. Так, как это случилось с Сашей.

Когда он вышел из больницы три месяца спустя, мать привезла его уже в квартиру в текстильщицкой двенадцатиэтажке, которую им выдало государство. Мать была логопедом, очень современным по тем временам, она серьёзно принялась реабилитировать сына. Саша один из первых в стране ходил к психиатру и психотерапевту. Ему с трудом давалось житьё в много-этажке, мать отчего-то не хотела переезжать, упёрлась: высоко – значит экологично и бесшумно. К тому же недалеко от их бывшего дома. На его месте со временем построили храм,

его купол был виден из окна кухни. Когда в девятнадцать Саша стал работать, он принялся снимать комнаты, а потом однушки в домах не выше шести этажей. Он до сих пор бывал у психиатров и принимал прописанные ими таблетки. У него и сейчас болели голова и шея, он пил лекарства и для них, раз в два-три года проходил курс уколов. Часто просыпался по ночам и видел, что лежит под бетонной плитой, будто накрытый байковым одеялом. Звон в ушах и привкус бетонной крошки во рту возвращаются памятью. В такие ночи Саша долго не мог заснуть, лежал недвижимый, ждал, когда его вытащит обратно утро. Зина выслушала, придвинулась к Саше, обняла, поцеловала – так они заснули.

Со дня Сашиного рассказа Зина начала просыпаться по ночам в квартире. Её будили взрыв, звон стёкол, грохот. Тяжёлое, жуткое, чужое прошлое обрушивалось на неё. Зина лежала придавленная, отчётливо ощущала вкус каменной крошки во рту, воздуха не хватало. Заставляла себя подняться, пройтись по евродвушке, выпить воды, понять, что всё хорошо и жизнь её сконструирована именно так, как она всегда хотела. Днём Зина блуждала по своему ЖК – всюду торчали глаза камер, в каждом лобби сидел охранник, но забора не было, только зелёное ограждение. Зина радовалась раньше, а теперь жалела, что его нет. Она узнала, что дом её монолитный, то есть не кирпичный и не панельный. Монолитный – значит, прочнее, выдержит землетрясение до 8 баллов, прочла она. Про взрыв ничего не было сказано. В ЖК пока пустели многие полуподвальные помещения, ждали своего бизнеса. Барбершопа, салона красоты, кофейни. Зина мучилась, заглядывала за пустые стёкла. Приступы повторялись. Так Саша, никогда не бывавший в квартире, поселился там, занял его полностью. Тёмный угол его оказался самбй смертью, страшнее смерти – гибелью. Гибель чудовищная, городская, стремительная, безжалостная, реалистичная, сконструированная такой нарочно человеком же. Задыхаясь ночью в своей новой квартире под плитой чужой ужасной смерти, Зина думала, что те люди жили в настоящем квартире – погибали в своём доме и попадали сразу на небо. Если верить, но как тут можно не верить. И не было супергероя или супергероини для их спасения. Зина пыталась спать со светом, приносила новые светильники и торшеры к кровати, вкручивала в них подаренные Сашей лампы. Не спала, не высыпалась, пропускала дедлайны по работе, не могла расслабиться. Больше не радовал её квартирай, не казался ей самым уютным, свободным и без-опасным местом. Саша покупал однушку на Пролетарке, занимался своим переездом. Он мог найти время для Зины, всегда находил, но она боролась с его страшной трагедией за свой квартирай, написала ему, что занята из-за сложного проекта. Психиатр выслушала её, прописала атакс и предложила прийти вместе с Сашей на совместную консультацию. Но Зина выбрала квартирай.

Когда Саша позвонил ей в следующий раз, она не взяла трубку. Когда позвонил второй раз, она не взяла трубку. Не ответила на его тихое обеспокоенное сообщение. Зина хотела избавиться свой квартирай от смерти, ведь он предназначался для жизни. Саше не было в нём места. И Саша понял и не пытался больше связаться. Их пространства и время больше не пересекались. Зина чувствовала, что хочет скучать по нему, но не позволяла себе. От таблеток и исключения Саши Зина снова хорошо спала, дом с её евродвушкой перестал рушиться по ночам. Она не бродила с дозором более по ЖК, не считала видеокamеры, не проверяла замки на дверях застеклённых полуподвалов. Квартирай не сразу, а постепенно вернул свои чудесные качества, снова стал соответствовать мечте и приносить удовольствие, как в самом начале, когда в нём только доделали ремонт. В один из солнечных воздушных дней, когда квартирай, и лес, и верхушки Москвы залились светом; Зина допила кофе, взяла телефон и принялась свайпить влево, свайпить вправо.

Дверь

1.

Марина заперлась изнутри. Золотой кузнечик шпингалета сидел на двери поперёк. Голова душа уткнулась в плечо, лила воду на половину худого тела. Марина стояла прямо, смотрела на кафель мясного цвета. На Маринину спину таращилась пожелтевшая фата душевой шторы. Её понизу обрамляла нежная, розовая плесень. Мыльная муть касалась Марининых щиколоток. Вода не проходила. Зачирикал кузнечик, дверь забилась в припадке. Нечего запирается, кроме тебя тут ещё живу я, и в отличие от тебя я зарабатываю – это всё говорила Лера дёрганьем и стучаньем.

Три недели уже они общались дёрганьем, стучаньем, гляденьем – забросив принятую речь, выработав новый нервный язык. Давно и раньше они дружили, им нравилась компания друг друга. Потом Марина стала выбираться из детства, падать во взрослость, думать себе, делать себе, копить недостатки, хуже учиться, произносить мат, мать принялась разочаровываться. Её страстная родительская заинтересованность заменилась заботливым раздражением.

Марина чувствовала это ослабление, стала ещё хуже учиться, громче произносить мат, даже курить, чтобы вернуть материнский интерес. Но он не возвращался. Тогда Марина принялась стараться наоборот: вытянула алгебру на 4, не покупала сигарет, разговаривала чисто. Лера отвечала тоже раздражением, забеспокоилась почему-то, не беременна ли Марина. Отправила её к гинекологу, и это было унижительно. Тогда Марина оставила всё как есть. Не падала совсем, но не старалась сильно. Так они общались на языке раздражения и привычки – давнем семейном наречии.

Лера разочаровалась не в самой Марине, а в материнстве как виде деятельности, оно оказалось таким же, как и всё в жизни – сложным, не оправдывающим затрат сил. Лера разочаровалась в себе в материнстве. Каждая Маринина плохость – новый Лерин провал.

Раньше надо было запирается – это могла думать Марина в ванной, это могла надёргать, выступать Лера ванной дверью.

Марина вышла в халате, Лера ушла в пальто. Железно закрыла за собой дверь.

Три недели Лера мариновала Марину в квартире. Запирала её снаружи. Унесла сразу, на второй день после незапираения, в офис Маринину связку ключей, Маринины телефоны (нынешний и старый), Маринин ноутбук, Маринины кроссовки и межсезонные ботинки, даже все сандалии, забрала Маринины деньги, запретила Марине ходить в школу, выходить на улицу. Подумала – и свой ноутбук тоже унесла на работу. Коллеги пытались не раскладывать мятые свои взгляды на забитом Лерином столе.

Марина пила кофе. Отсела в угол лавки от солнечного потока, который раскромсал кухню на светлое большинство пространства и на мелкое тёмное меньшинство по углам, по шкафам, по стенам. Марина не любила солнце дома: от него болела голова и становилось ещё душней.

В первые дни она пробовала смотреть телевизор, у них с матерью было немного каналов. На имеющихся говорили, общались, кричали на каком-то другом, недоступном Марине языке, по-чужому выглядели. От них становилось страшно и скучно одновременно.

Марина сначала удивлялась себе и злилась на себя, что она не знает совсем, что делать в жизни без телефона, контакта, ютьюба, даже школы. Обязательных, навязанных ей людей. Книги она не читала, Лера тоже, их в квартире почти не пылилось. Марине нечем было себя занять, развлечь, порадовать или даже расстроить. Про себя и всё своё она пыталась не думать.

Экрана для привычки-отвлечения не было. Марина лежала у себя в комнате с зашторенными окнами.

Изредка приходила мать, молча открывала дверь. Полуоткрытая дверь означала идти есть, настежь открытая означала идти делать работу по дому. Двери стали теперь их азбукой, языковыми средствами. Марина шла за Лерой, та приводила её к месту работы, к тряпке и ведру, к посуде в раковине, к теряющей землю картошке. Марина делала всё это и раньше, просто теперь её не просили, не напоминали, а конвоировали к работе.

Лера сразу почти после незапирания записалась на английский, в читательский клуб и даже на танцы. Словно захотела компенсировать отнятую материнством жизнь. Марина почувствовала это. И подумала, что бы ей сделать, чтобы вернуть отнятую своим дочеринством жизнь. Особенно сейчас, взаперти.

Дни проходили сонно и бесцельно. Время вымерло. Когда от душного воздуха не болела голова, Марине казалось, что настенные полосы расступаются, освобождая внутри дополнительные, альтернативные пространства. В дни больной головы Марина видела, как стены сдвигаются вокруг неё по сантиметру в минуту, замуровывая её заживо.

2.

Поначалу Марине нравилось отсутствие всех обычных глупых людей и дел, воняющих скукой и вынуждением помещений. Сделалось спокойно без ежедневно вырабатываемого страха своей некрасивости, толстоты, относительной бедности по сравнению с другими. Но потом ей перестало хватать слов. Озвученных или хотя бы написанных. Постов, сообщений, мемов, комментариев, видео, сторис, новостей, даже скучных уроков. Это сиденье дома показалось бы счастьем, если бы у Марины был её смартфон. Она скучала по нему физически: глазам недоставало его свечения, пальцам – гладкости, ладони – его выверенного веса и размера, голове – историй, картинок, которые он рассказывал и показывал. Возможно, Марина сама бы хотела рассказать кому-то свою историю. Однажды она взяла плоский и вытянутый тюбик крема для рук, почти полный, с чуть жирноватой, гладкой поверхностью, и принялась скроллить по нему пальцем. На тюбике было написано *ingredients* и дальше двоеточие и какие-то мелкие буквы. Так Марина представила, что она переписывается с кем-то под ником *ingredients*, раз она теперь не могла переписываться с Соней, Аней и Катей.

ingredients: как дела? что делаешь?

marinad: дома сию

Поначалу Марина существовала в привычных домашних лосинах и футболке. Утро начиналось поздним утром, Марина чистила зубы, причёсывалась, завтракала, Лера уже уходила к тому времени на работу. Потом Марина мыла посуду, делала по дому что-то, на что ей с вечера указывала мать. Прежде, когда они говорили, Лера оставляла дочери на кухне или в коридоре записку, что, например, надо помыть посуду и купить хлеба и бананов. Лера любила бананы. Теперь она ходила в супермаркет сама.

После домашних дел Марина рисовала у себя в комнате графический дневник, который состоял из стен, настенных мыслей, порушенных стен. Потом обедала. Мыла посуду. Лежала. Глядела в телевизор у матери в комнате, параллельно переписывалась с *ingredients*. Лежала. Потом готовила ужин. Лера приходила. Они ели в тишине. От матери пахло жизнью, которую она приносила с улицы. Часто Лера возвращалась поздно, и Марина ужинала одна, отвлекаясь на переписку с *ingredients*.

marinad: интересно, где она ест?

ingredients: да блин, мест в городе полно. и не особо дорого

Мать жила теперь одинокой, бездетно-свободной жизнью, дочь она особо не видела, а когда видела, по вечерам или по выходным (хотя их она тоже постаралась забить активностями вне дома), она будто вспоминала что-то неприятное, хмурилась, расстраивалась. Ещё Лера принялась стесняться Марины, реагировать на неё как на квартирантку. Однажды Лера вышла из ванной с голой грудью, с обёрнутым вокруг бёдер полотенцем и, увидев Марину на кухне с кружкой чая, закрыла грудь рукой и прошла в свою комнату.

ingredients: да ладно, чего ты так расстроилась?

marinad: за кого она меня принимает!!!!!!!!!!!!????

Бежать было невозможно, они жили на восьмом этаже. Мать закрывала дверь на ключ, когда уходила, а когда находилась дома – запирала изнутри. Ключ носила в кармане домашних штанов, даже в ванную и туалет. Ночью клала ключ под матрас, на который ложилась. Наверное, Марина могла бы выкрасть его, но не хотела.

До запираения Марина всегда стригла Лерины волосы. А Лера стригла дочь. Это был их общий ритуал с Мариного десятилетнего возраста, когда они ещё жили в съёмной комнате. Лера мочила волосы, садилась на табуретку, Марина вставала на свой детский стульчик, расчёсывала материны густые чёрные волосы деревяшкой-гребнем, брала в мелкие руки свою школьную алюминиевую линейку и состригала несколько сантиметров снизу. Почти всегда получалось ровно. Марина мочила волосы, садилась на табурет, мать проходила по рыжеватым дочериним волосам пластиковой щёткой и стригла теми же ножницами. Сначала от безденежья, потом от традиции Лера и Марина не ходили в парикмахерскую много лет.

В один из бессловных ужинов Марина вслух заметила, что Лерины волосы сильно отросли и секутся на кончиках. Она впервые за две недели заговорила – предложила матери её подстричь. Заговорила серо и сипло с непривычки. Лера промолчала, доела рис и курицу, встала, выбросила кости в ведро и ушла.

ingredients: да ладно, чего ты расстраиваешься?

marinad: могла бы хотя бы послать меня

На следующий вечер Лера вернулась домой позже обычного с идеальным женскоинстаграмным каре.

ingredients: ты как?

ingredients: чего молчишь?

ingredients: заснула?

ingredients: видела какая стройка под домом дыжь дыжь?

3.

С тех пор Марина перестала расчёсываться, краситься, переодеваться из пижамы в домашнее. Днями она просто лежала в кровати, вставала только, чтобы приготовить матери и себе плохой ужин. Если она жарила картошку или тушила капусту, то часть овощей оказывалась сырая. То же было с курицей, мясом, печенью. И вся еда получалась безвкусной. Марина не делала этого специально, просто она повторяла обычные для себя действия, но не вкладывала в них никакого смысла. Лера перестала есть приготовленную дочерью еду и молчаливо просить её делать что-либо по дому. Мать сама убиралась по субботним утрам во всех про-

странствах квартиры, кроме Мариной комнаты. Ужинала Лера теперь где-нибудь в кафе или покупала уже готовое блюдо, которое оставалось только разогреть.

ingredients: воняет от тебя? мыться не пробовала?

marinad: отъебись

Однажды ночью Марину разбудил давящий на все внутренности дутый мочевого пузыря. В пахучей пижаме и со свалывшимися, давно нечёсанными волосами она отправилась по квартире. У самой двери туалета она услышала смыв. Вышел мужик в трусах из мужскоинстаграмной рекламы. Трусы рекламные, мужик – нет. Он был молод, моложе матери, с начинающимся пузиком, кругами растущими вокруг пупка волосами. Привет! Мужик сказал это с тяжёлым, пахнущим мочой удивлением. Он хотел будто что-то спросить, но не стал и ушёл в Лерину комнату. Марина открыла дверь в туалет, увидела поднятую сидущку унитаза, почувствовала усилившийся едкий непривычный запах. Её затошнило, она закрыла дверь в туалет и выключила свет. Мочевого пузыря болел. Марина нажала соседний выключатель, зашла в ванную, заперлась на щеколду, села на бортик ванной, а потом смыла душем и подмылась сама.

marinad: ты там?

marinad: я в курсе что сейчас ночь

marinad: извини, что тебя послала, у меня нет головы

Мужик в мужскоинстаграмных трусах лёг к Лере в кровать и спросил, кого он только что встретил у туалета. Дочь, что ли? Лера могла ответить – да, но она сказала – не знаю. На всю эту историю, на всё, что сложилось, она только и думала и чувствовала, что не знает. Не знает, кто этот человек, который её дочь, и как с ней существовать, как с ней общаться. Впервые Лера не знала, а она всегда знала, что делать: когда уходила от первого мужа с крохой-ребёнком, когда меняла съёмное жильё и работы, когда брала в тяжёлую ипотеку эту самую квартиру – а теперь не знала. И выбрала пока остановить дочь, обрубить её от жизни, от всего, что могло ей навредить, продолжать делать её такой, какой Лера не хотела её видеть. Но понятно было, что Марина уже такая, какой мать не хотела её видеть, с которой она не знала теперь общего языка. В итоге Лера выбрала себе новый безопасный режим – занять свою жизнь чем-то другим вместо дочери, придержав ребёнка пока заперти, на сохранении. А самой отдохнуть, пожить, набраться сил, а потом понять, принять решение и продолжить своё материнство.

marinad: это вообще впервые такое. даже когда она с мишей встречалась, он ни разу не ночевал

ingredients: ну она типа взрослая. и молодая ещё. имеет право

marinad: это она тоже решила привести кого-то

ingredients: тоже?

marinad: ну как я

После встречи мужика в трусах в их с матерью квартире Марина проснулась. Она стала вспоминать, кто она. Как выглядят другие люди. Кем она была до того, как её заперла мать и она заперла сама себя. Стало ясно, что пустота, бездушность квартиры вычистили всё из неё, одиночество притушило её, а сама Марина заморозилась, чтобы не думать. Она снова принялась мыться и расчёсываться. Просыпалась, чистила зубы, одевалась в ту одежду, в которой она бы ходила в школу, – джинсы, футболка, худы. Красила ресницы и губы, накладывала тени, даже выводила стрелки. И работала – думала, вспоминала.

marinad: я пытаюсь вспомнить, кем была

ingredients: в смысле?

marinad: ну кто я, чего я делала раньше, чего любила

ingredients: зачем, от этого разве не хуже? а чё ты рисуешь?

Марина выводила в графическом дневнике прошлое. Она поняла, что она ещё никем не успела стать, но у неё может быть шанс. Принялась рисовать будущее своей мечты. Стены тем временем двигались на неё, клацали полосками обоев. Она спешила вычислить – от счастливой возможной точки к сегодняшней своей внутри утробности.

marinad: дышать тяжело

ingredients: открой окно

marinad: там стройка орёт

ingredients: ну выбирай. советую подышать

marinad: обои эти снова

ingredients: не обращай внимания. рисуй

Марина стала выдумывать варианты развития истории в сторону счастья. Счастье – это ключ. Воровство, отнимание его у матери, любое насилие она исключала. Второе счастье – это разговор, коммуникация, например через телефон матери. Просьба о помощи. Не воровство, а тайное заимствование телефона, чтобы позвонить или написать. Но некому. Один из сюжетов привёл к мужчине в трусах. К коммуникации с ним. Его повторное появление в квартире. Мужчина-ключ.

ingredients: пожалуйста ему, расскажи, это против закона вообще, держать человека взаперти

marinad: ну нет

ingredients: ок. тогда вскрой при нём вены. он выходит из толчка а ты ему кровавые свои руки к лицу поднеси. чтобы он отвёз тебя в больницу. а там уже свобода

marinad: интересно. но больно и опасно. и у меня суицидальных мыслей нет

ingredients: ну соблазни его и сбеги с ним

marinad: фуууууу

Выйдя из душа в ту самую субботу, когда мать ушла в свой читательский клуб, Марина решила отпереться.

marinad: я поговорю с ней

ingredients: серьёзно?

marinad: а то я чувствую себя как мертвяк которого играл Брюс Уиллис в этом старом фильме. он никак с женой не мог поговорить, будто его не было. его и не было. он оказался мёртвый

Марина и Лера обе любили грибной жульен. Марина нашла в морозилке кусок льда с вкрапленными в него грибами. Загубевший сыр в холодильнике. Муку на доньшке жестяной банки.

ingredients: все ингредиенты на месте?))))))

4.

Лера пришла как раз к ужину. Рассеянная и чуть постаревшая после обсуждения очень знаменитой книги про мужчину, бродящего с вирусной инфекцией по зимним улицам. Ей чувствовалось, что она тоже заболевает. Лера удивилась жюльену и села есть, не выражая ничего. Марина попробовала, получилось чрезвычайно вкусно. Она вмешала в этот жюльен всё своё желание жизни прежней и будущей. Лера давно заметила изменение в поведении дочери: её одевание, макияж, расчёсывание – понимала, что это изменение ведёт к какой-то неприятной для неё нагрузке. И Марина заговорила. Сначала тихим, хриплым голосом, который постепенно прочищался, становился радостней, взрослее. Дочь пыталась объяснить матери, что 16 лет – это уже самостоятельный, отдельный, недетский возраст, что на улице, за пределами их полосатой, словно в решётку, квартиры – двадцать первый век, что каждый из них имеет право на свою жизнь и, главное, – они должны обязательно попробовать поговорить друг с другом.

Если бы Леру не уморил так читательский клуб, долгое ожидание автобуса, нагреваемое простудой или социальным истощением собственное тело, она бы нашла в себе силы попробовать подобрать слова. Но ей было лень и страшно. Лень и страшно. Она не готова вести все эти американоподобные разговоры про права на личную жизнь, самостоятельность подростков и двадцать первый век.

Марина закончила говорить. Лера молчала. Марина ждала и спокойно смотрела на мать. От *ingredients* приходили взволнованные сообщения на кремный тубик в кармане Марининых джинсов. Наконец Лера открыла рот, набрала воздуха. Марина начала улыбаться. Ей было всё равно, что мать её пошлёт, обидит, лишь бы она с ней заговорила. Лера достала из кармана свой смартфон, чего-то нажала, поскроллила и принялась читать вслух текст той самой книги, где человек ходил больной по городу. Марина сидела, слушала голос матери. Сообщения от *ingredients* всё вибрировали в тубике. Перед Лерой заветривался недоеденный жюльен. Марина слушала, Лера читала, жюльен заветривался. Потом Марина встала, собрала тарелки, сложила их у раковины, выбросила оставленный грибной кусок в ведро и ушла в свою комнату. Лера перестала читать.

ingredients: и чего такого ты хотела с ней обсудить?

marinad: проговорить то, что случилось

ingredients: ну проговори со мной

marinad: не

ingredients: ну давай, расскажи, потренируйся

marinad: а зачем? она всё равно никогда не будет со мной говорить

ingredients: может будет. просто она старовата, тормозит

marinad: она вернулась раньше с работы. у них свет отрубили, во всём здании

ingredients: ну ок. и

marinad: мы с Катей были в ванной

ingredients: и чего

marinad: я забыла запереться

ingredients:?????

marinad: запирается надо было

ingredients:?????

marinad: я говорила Кате, что это опасно, идти в ванную, но она настояла, сказала, что это будет круто, приятно, это я виновата

ingredients: и чего? я не понимаю

marinad: блин ну чего неясно

ingredients: нихренанеясно

marinad: мы были в душе. из-за воды не услышали, как пришла. она пришла. зашла. отодвинула шторку. как в фильмах

ingredients: (((((((((

marinad: да

ingredients: и что дальше?

marinad: ничего. она попросила Катю одеться и уйти. забрала телефон. ключ. комп. кошелёк. заперла меня.

ingredients: (((((((((((((((((((((((((((((((((((((((

На следующее утро, в воскресенье, Лера, не позавтракав, не убравшись в квартире, собралась и ушла в танцевальную школу. Марина проснулась, отправилась в душ, заперлась на щеколду, закрыла шторку и встала под морозящую воду. Как всегда смотрела на кафель мясного цвета, спиной к желтушной шторе, которую понизу обрамляла розовая плесень. Вода не утекала, Марина стояла в пенной жиже. Повернулась, дёрнула штору и посмотрела на дверь ванной.

marinad: дверь это и есть ключ!

ingredients: чё?

marinad: дверь – это ключ! я поняла надо просто ещё сильнее запереться

ingredients: подожди

Марина обтёрлась полотенцем. Высушила волосы феном. Расчесалась, собрала хвост. Оделась в футболку, джинсы, худи. Замазала прыщи тональником, накрашила веки, ресницы – и не паучьими лапками, а хорошо, – сделала красным губы, подвела стрелки. Хотела собрать рюкзак, но поняла, что собирать нечего. Достала икеевский набор в оранжевом пластике, вытщила молоток и отвёртку. Подошла к двери. Вставила отвёртку без наконечника в железное нутро скважины. Отвёртка была толстая. Марина вбивала её, стуча молотком по силиконовой ручке. Взяла плоскогубцы. Рыча от усилия, принялась расшатывать покорёженную отвёртку в разные стороны, пока та не хрустнула и не откинула половину основы с ручкой. Скукоженный металлический кусок остался торчать в замочной скважине. Марина поправила чуть поплывшую от силовых слёз тушь на правом глазу, там же стёрла заляксившуюся стрелку, нарисовала новую, села перед дверью на табуретку и принялась ждать. Дверь – это ключ. С улицы через окна валил солнечный свет, но в коридоре оставалось темно.

Лера вернулась домой в половине третьего. Не смогла открыть дверь. Ключ теперь не годился для этого замка. Дверь чуть зазвучала, она не могла быть очень громкой из-за своей металличности и обитости настоящей кожей. Нечего запирается, кроме тебя тут ещё живу я, в отличие от тебя я зарабатываю. Это всё выражала Лера дёрганьем и стучаньем. Дверь по-прежнему говорила за Леру. Потом замолчала.

Марина сходила в туалет. Снова села на табурет в коридоре. Через полтора часа послышался мужской голос, в замке завопились. В темноте Марина сняла куртку с вешалки и надела на себя. Снова села на табурет. Скрежет, сверление, стук, мужские матерные ругательства, сверление. Дверь тяжело взывала, вместо замка в ней образовалась дыра, сквозь которую полился свет из подъезда. Марина встала с табурета. Дверь вздохнула, поехала на Марину. Она видела кусок лестничной площадки и худого, высушенного мужика в тёмно-синем комбинезоне. Пахло плохо переработанным алкоголем, слесаря дёрнули в воскресенье. Рядом с ним стояла мать и смотрела сердито, обиженно. Она двинулась в образовавшийся проём. Марина прыгнула, своим телом потеснила мать. Та отступила и обернулась. Слесарь полуматно выска-

зался. Марина побежала вниз по лестнице. Кремовый тубик остался лежать на кровати в Мариной комнате. Лера постояла, посмотрела дочери вслед, зашла в квартиру и включила свет в коридоре.

5.

Май встретил Марину равнодушным, устоявшимся теплом. Идея города не изменилась за её время взаперти. Многоэтажки возвышались и расширялись блоками с врезанными в них окнами. Сухой асфальт лежал. Куски металла в форме машин катались на резиновых колёсах. Супермаркетовые пристройки и вставки определялись Мариной полузабытыми названиями пятёрочек, магнитов, перекрёстков. ТЦ настойчиво громоздились серым с разноцветными аппликациями. Деревья и кусты росли, они сильно зазеленели и заполнили собой больше ландшафта. Город звучал в полную силу, а не сдавленно, как слышалось из квартиры на восьмом. Он рычал, кашлял, гудел, стучал, выл, орал, скрипел. Люди и животные использовали улицу для обычных, часто скучных дел: хождения, гуляния, поиска еды, преодоления обычно ненужного пространства. А Марина использовала улицу как выключатель свободы, радости, возвращения к себе. То ли от бега, то ли от восторга сердце отправилось на рейв. Организм засотрудничал с душой. Марина вспомнила наконец совсем полностью – кто она, что она любит, кого она любит. На переходе у светофора она остановилась, убрала со лба волосы и почувствовала, что прядь мокрая. Марина поняла, что она вся мокра от пота. Люди вокруг носили ветровки или просто футболки. Она сняла осеннюю куртку и взяла её в руки, оставшись в худи.

Школа сегодня не работала. Марина удивлялась, что жалеет об этом. Отправилась бы сейчас туда по собственному желанию. Школа её находилась в четырёх станциях метро от их с матерью квартиры. Лера с трудом устроила туда дочь после пятого класса. Ближайшая к ним общеобразовательная считалась слабой. Сейчас Марина двигалась на юг района своей школы. Она никогда не проделывала этот путь пешком, но ноги её, будто самостоятельные отдельные близнецовые существа, тащили её без навигатора в необходимом направлении. Через час сорок Марина вбежала в район полукукольных сталинских особняков.

Дверь открыла мать Кати. У неё было накачанное неосознаваемым алкоголизмом лицо. Про ежедневную материну бутылку вина за ужином Катя сама рассказывала Марине как о надоевшем, нелюбимом животном, обитающем в квартире. Но под эту бутылку вина можно было разговаривать о чём угодно.

Мать Кати посмотрела на Марину сжатым и виноватым взглядом.

– О, Марина, привет! Я думала, ты уехала. – Мать Кати улыбнулась сквозь алкоголический ботокс.

– А я вернулась, – спокойно ответила Марина и зашла в квартиру.

Мать Кати медленно провела Марину по коридору, остановилась перед Катиной закрытой дверью, постучалась:

– Девочки, у вас компания!

Дверь открылась. Катя, удивлённая и красивая, стояла и смотрела на Марину. На Катиной запроваженной кровати лежала девушка в переливающемся аквамариновом топе. Она вытаскивала из уха айфоновый наушник и держала его в пальцах. Что-то круглое, на «о», вспоминала Марина. Оля или Олеся из параллели, то ли «А», то ли «Д». Рядом на кровати лежали айфон и второй наушник. Его только что выудила из уха Катя. Марине захотелось написать об этом *ingredients*.

– А я думала, ты уехала. – Катя старательно улыбнулась.

– А я уехала. – Марина развернулась и двинулась.

Проходя мимо зеркала, она заметила, что стрелки её обратились в потные кляксы, а глаза в мокрых пауков. В подъезде Марина встретила маленького ребёнка и его мать. Ребёнок дер-

жался за перила, как за бортики вольера или за решётку клетки. Марина удивилась, она почти забыла о существовании людей такого типа, как дети.

Город был таким, будто снова ничего не произошло. Марина ходила и дышала. Смотрела и слушала. Город был непонятным и сложным. Марина видела район метро с кафе и магазинами, широкую улицу с машинами, бульвар тоже с машинами, пешеходами, велосипедистами, закуток пяти этажек, отряд многоэтажек, парк, пустынную промзону, пустырь у железки, овощной рынок, церковь, постоянные автостоянки, автосервисы, торговый центр, в котором удалось зайти в туалет. Марина не могла собрать этот город в единое пространство, он упирался, состоял из разных кусков пазла, которые не подходили друг другу. У города не было лица. Темнело и холодело. Марина ёжилась, вспомнила про куртку в руках, надела. После девяти вечера снова захотелось в туалет. Повстречался торговый центр с древним, советским названием. На первом этаже засел супермаркет. Живот болел от голода, но Марина считала, что он болит от чего-то другого. И не было денег. Вообще ничего не было. Марина поднялась по лестнице. На втором этаже за стеклянной закрытой дверью белел неработающий офис. На третьем – коридорами простирался полупрозрачный улей торговых ремонтных павильонов. Марина шла вдоль аллеи из обоев, плитки, ламината, штор, линолеума, душевых шлангов и кранов, дверей, замков к ним. Свет горел во всех прозрачных сотах, павильоны были не заперты, но продавцов не находилось. Марина сняла капюшон худи, продолжая двигаться по коридору, и почувствовала себя королевой безлюдного, заброшенного государства. Где всё было для квартир людей, а самих людей не было. В одной из сот она увидела немолодого человека в очках и жилете. Он походил на профессора или учителя из американских сериалов. Марина всё таким же хриплым, арестантским голосом спросила, где туалет. Человек спокойно, занудно и подробно объяснил. Марина пропетляла по галереям ровно по инструкции и нашла узкую дверь без таблички. Включила свет. Это оказался хозяйственный закуток со швабрами, моющими средствами и офисным стулом без одного подлокотника. Туалет оказался за соседней дверью. Здесь была серая вытирательная бумага, кусок мыла и настоящее маленькое полотенце с енотом из древнего советского мультфильма. Так Марина поняла, что это туалет для сотрудников.

Когда она спустилась на первый этаж, супермаркет уже не работал, вход в него был загорожен жалюзи. Автоматические двери на выход не работали. Марина подёрнула дверь с ручкой, она тоже была закрыта. На третьем этаже человека-профессора не было. Марина снова оказалась заперта в одиночку. Она сняла куртку и почувствовала тяжёлую усталость. Можно было лечь на один из продающихся диванов, расставленных прямо в коридоре, но Марина вернулась в пахнущую хлоркой подсобку, зашла туда, не включая света, закрыла дверь, села на офисный стул и накрылась курткой.

Разбудила её молодая женщина, азиатка, в фартуке уборщицы. Она не удивлялась и не злилась. Просто пыталась вытащить из-под Мариной спины швабру. Во сне Марина отъехала на стуле к стене и загородила угол со щётками, швабрами и ведром. Марина вскочила и побежала. Уже на белой от утра улице она вспомнила, что оставила в подсобке куртку.

Когда Марина добралась до своего двора, дети шли в школу, в ту самую, ближайшую, в которой мать не оставила её учиться. Значит, было около половины девятого. В подъезде она встретила соседку, поздоровалась. В знакомой двери, обитой синеватым кожзаменителем, блеснул новый замок. Кожзаменитель был повреждён, торчал ключьями вокруг замка, из него рвался поролон. Марина позвонила в дверь, потом постучала, потом стала дёргать новую колючую от стружки ручку. Лера сидела в темноте, в коридоре на стуле, плакала и радовалась, что Марина вернулась. Вчера она дождалась, когда похмельный слесарь врежет новый замок, позвонила Катинной маме на мобильный, та раздражённо подтвердила, что Марина ненадолго

заглядывала. Лера принялась ждать, заснула, проснулась в шесть, пришла в коридор и продолжила ждать на установленном дочерью в коридоре стуле. Пока та стучалась, Лера глотала слёзы со смешанными обрубками слов, которые пыталась собрать для Марины, но не справлялась.

Пришло-пришло то самое время, чтобы поговорить. Оно – сейчас. Лера решила, что не может открыть, пока не отыщет слова, хотя бы несколько, чтобы поговорить с дочерью. Марина дёрнула ручку, стучала в дверь и принялась говорить голосом, а не дверью, что ей шестнадцать, что она замёрзла, хочет в туалет и есть. Она стала кричать, что она тоже тут живёт, тоже тут прописана и имеет право зайти в свою квартиру, и что она ещё ребёнок, и мать не может её не впускать. Все мысли скатались в какие-то жёсткие узлы, устроили засор в Лериной голове, не проходили в душу, она не могла понять, что делать. Когда Лера открыла дверь, Марины уже не было.

От холода дрожали ноги, руки, пальцы, от голода желудок бился и жёгся, от усталости телу хотелось под тёплым душ и в свою постель. Марине самой снова хотелось запереться.

Она знала, куда идти теперь. Ноги-близнецы сами несли её. Совсем недалеко. Она замечала раньше это место на гугл-карте в смартфоне, но тогда оно ей было без надобности. Глубоко закопанное в жилой квартал, как и всё такое, семейное. На первом этаже кирпичной девятиэтажки. Тёмно-красная табличка с золотистыми буквами говорила, что это опека района и что она работает с десяти. Марина дёрнула на себя тяжёлую деревянную дверь, зашла в жадно освещённый коридор, её встретили пальма в горшке, стенд с флагом и инструкциями, три кожаных кресла, спаянных друг с другом общей спиной и разделённых подлокотниками. Приоткрыла ещё одну дверь в комнату со столом, компьютером, шкафами, двумя календарями – с церквями и животными – и детскими рисунками по стенам. За столом сидела женщина с короткими, крупно завитыми и выкрашенными в жёлтый волосами, пила кофе с сырным бутербродом, смотрела что-то весёлое на телефоне. Увидела Марину. Марина сняла капюшон.

– Закрыто ещё! На двери же сказано, мы с десяти! – быстро нашла слова сотрудница опеки.

Марина вышла в коридор и села на крайнее кожаное кресло ждать.

Весы

Каждый раз, когда Аня приезжала к Мише, он взвешивал её и записывал результат в тетрадку. Если весы показывали меньше, чем прежде, Миша хвалил Аню, целовал её и был радостным. Если она набирала, Миша становился печальным и во время целования рассказывал ей, какая она будет тяжёлая для отношений, для секса, для совместного появления в дружеской компании, если не остановит свой вес. Миша вкусно готовил, особенно по-итальянски. Пасту, лазанью, пиццу. В первые их месяцы они ели всё это интересное вместе, но вскоре Миша принялся делать для Ани отдельные блюда, чаще салаты, тоже вкусные, но однообразные. Состояли они из многих-премногих длинных бледно-зелёных, похожих на ладони с венами и линиями листьев, трёх-четырёх шариков-помидор, нескольких пёрышек тёртого пармезана и ровно пяти капель оливкового масла. Миша установил на бутылку стальную мерную насадку. Салат получался сухим, Аня просила добавки масла. В ответ Миша грустно молчал или произносил, что понимает, что Аню надо жалеть, так как с ней происходит болезнь, но он готов бороться с ней за Аню. Она масло просить перестала, жевала сухие листья. Аня с Мишей познакомились летом. Сейчас заканчивалась осень. Салат айсберг хрустел в Анином рту, как хрустели листья на земле под весом ботинок и воткнутого в них человеческого тела.

У Миши Аня бывала два-три раза в неделю и всегда оставалась голодной. Поэтому она привыкла плотно есть до прихода к нему и после встреч с ним. Однажды она пришла, Миша её взвесил, снова печально заговорил. Потом Аня разделась, легла с Мишей в постель, и её борщ зарычал в животе. Очень вкусный, на курице, густой, с окрасившимся в оранжево-фиолетовое мясом, с капустой, со свёклой, с морковью и даже с опятами. Его приготовила Катя – Анина квартирная соседка, которая хоть и была младше, но кормила Аню материнским образом. Услышав борщ, Миша отказался заниматься с Аней сексом сегодня и совсем – до тех пор, пока она не сбросит три килограмма. Аня любила и Мишу, и заниматься с ним сексом. В то время это было лучшее, что с ней происходило.

Теперь она приходила к нему, он её взвешивал. Не прикасался к ней, но хвалил, когда она сбрасывала. Сидели рядом на диване и смотрели сериалы. Или разговаривали о разном, Миша много и хорошо шутил. Они оба занимались монтажом, Миша показывал Ане, как он работает, учил её, помогал ей с проектами. В день борщевого случая он сказал ей, что от неё несёт капустой. Сказал так, будто это плохо, но сменил с тех пор салат на цветную капусту. Во время приготовления она странно пахла, но понравилась Ане поначалу больше айсберга, была сытнее, но надоела нестерпимо уже на третий день. Миша убеждал её работать над собой – бегать и питаться рисом, гречкой и овощами. Скидывал в мессенджер рецепты. Но сам готовил ей только цветную капусту. Аня работала над собой – ела гречку, рис, кабачки с родительской дачи. На соседкины вопросы говорила – худеет; уходила с кухни, если Катя занималась готовкой, закрывалась в комнате, скручивала плед как сигарету и затыкала нижний дверной проём, чтобы запах не полз.

Это был не голод, а желание вкусноты и сил, которые брались из хлебной, мясной или сладкой еды. Красота и благоухание чужих вкусных блюд – соседкиных или за прозрачными ресторанными окнами – Аню сильно печалили и даже оскорбляли. Но боялась она больше всего Мишиных весов. Как холодная вода в колодце – гладкие и тёмно-зеркальные, – они стали хозяевами Аниной жизни. Они снились ей. Аня пыталась их обманывать, во время взвешивания перемещая баланс на одну ногу. Не помогало. Они показывали правду. Аня стала бояться есть без Миши. Каждый кусок вне его дома казался ей уродливым и страшным. Она очень уставала, то ли без интересной еды, то ли от огромной массы работы. Миша пригласил её с собой в важный проект, и Аня делала сейчас самую тяжёлую его часть. Во второй половине

зимы она только работала за компьютером, лежала в съёмной комнате, ездила к Мише и боялась весов.

Как-то она пришла к нему домой, сняла куртку, разулась и привычно, как заключённая к стенке, встала на весы, они показали опять свои злые, квадратные цифры. Вдруг Миша принялся её целовать, называть нежно и тянуть в кровать. Это ушло четыре кило. Аня была такая пустая, что даже не сумела обрадоваться сексу. Он вернулся, иногда был хорош, но взвешивания продолжались. Аня иногда представляла у себя в голове, как закончат эти отношения, но всё тянулась многоэтажная московская зима, Аня не хотела мёрзнуть в одиночку, заниматься своей новой профессией в одиночку, жить в одиночку. Про Мишины весы Аня не рассказывала никому. Оказалось, некому. Ане было очень тяжело. Настя родила ребёнка, говорила, что это не повлияет, но теперь даже не могла найти время поговорить по телефону. Вера уехала работать по контракту в другую страну, и её проблемы казались тяжелее. На терапевта Аня не зарабатывала. С родителями такое не обсудишь, для них «Анины мальчишки» и разные другие люди всегда были правы в каких-то связанных с Аней взаимоотношенческих узелках, она – нет.

Аня плохо спала, крутилась в кровати, словно кости у неё, похудевшей, теперь выпирали и мешали распределять тело по постели, хотя это было неправдой. Весы всё приходили ночами, показывали нехорошие цифры, иногда какие-то слова, Аня пыталась вчитаться, разобрать их, но не получалось. Они с Мишей любили одинаковую музыку и кино, оба мечтали заниматься мультипликацией, оба монтировали для денег, делали большой проект. Секс был хороший. Такого человека Ане никогда не найти. Взвешивает – не бьёт.

Однажды весы пришли в неисправность. Аня снова приехала к Мише, сняла куртку, разулась, встала в своё чёрное маленькое озерцо, но оно молчало. Аня и Миша тоже онемели. Аня сошла на ламинат и так и застыла рядом с мёртвыми весами в коридоре. Миша слазил в шкаф в комнате, принёс круглые и плоские таблетки-батарейки. Сел на пол, осторожно взял весовое тело и вскрыл ему брюхо. Аня заморожено тарасилась на внутренности своего страха. Миша почувствовал-понял это и попросил её отойти, его работающий локоть стучался о её колени. Смена батареек не спасла весы. Те молчали. Миша отнёс их тело на балкон.

Аня решила, что Миша очень скоро заведёт дома новые. Она опять вступила в квартиру, стянула куртку, ботинки и остановилась от незнания, как двигаться дальше. Весовое место было пусто. Миша не вышел её встречать. Из самой квартиры он не выходил почти никогда, всё заказывал по интернету. Но новый аппарат по Аниному взвешиванию всё не появлялся. Тетрадка для записи Аниного веса пролёживала на коридорном комод. Анины приезды к Мише стали радостней для неё, но он смотрел на её тело теперь с тяжёлым подозрением. И во время секса, когда она была сверху, он сам пытался взвесить её и понять, набрала ли она. Аня ощущала Мишину тревожность. И даже принялась скучать по весам. Отношения Ани и Миши словно потеряли общность, весы связывали их, как собаки или дети соединяют пары. Они редко теперь разговаривали, секс стал быстрым и неискренним, хотя Аня со своей стороны по-прежнему старалась. Она спросила у Миши, почему он не покупает новые весы. Тот ответил зло и сипло, что это вообще-то очевидно, что Аня должна купить новые, так как это она сломала их своим весом.

Аня хотела заказать весы онлайн, но потом решила сходить за ними в офлайн. Она давно нигде не была. Бессмысленно ведь, думала она, жить в Москве, платить такие деньги за комнату, если она никуда не выбирается из компьютера. Кроме как к Мише. Зима уже кончилась, солнце вылезло из-за панелек, лучи полировали серые полы ТЦ. Магазин с электроникой находился на одном этаже с фуд-кортом. Аня не дошла до м. видео, её нос зацепился за забытый запах, она смотрела на съедобную, сильную близнецовую красоту двух бургеров, сидящих на столе, за которым находилась взрослая жующая пара. Аня села за такой же стол, заказала самый классический бургер с мясом и сыром и дольками картошку. Когда принесли, вытащила из него

лист салата. Ела медленно, с интересом, силой и бесстрашием. Оставила половину верхней булки и треть картошки, когда насытилась. За весами не пошла и к Мише больше не поехала. Он позвонил один раз, а Аня не ответила. Ей стало значительно легче.

Банкомат

1.

Я никогда не хотела рабствовать, но мне всегда приходилось. Два месяца назад я прекратила. Меня вызвал к себе директор и сказал, что со мной хотят перейти на фриланс. Я ответила, что это интересный эвфемизм для слова «сокращение». Директор сщурился щетиной.

Десять лет назад я поступила в так-себе-вуз, на который наскреблось баллов, переехала в Москву. Во время учёбы я делала вид, что училась. А на самом деле – раздавала листовки, проверяла билеты в кинотеатре, разносила еду в кафе (вот это – недолго). Я всегда хотела деньги. В моей семье их не было. Незнакомцы для меня, они пугали меня вечно и пугались меня вечно. Поэтому, наверное, они мне тяжело давались. Я никогда не умела деньги считать, начинала волноваться, температурить, краснеть при их виде. Трудности были с металлическими, бумажными, даже карточными – невидимыми – деньгами. Я приносила неправильную сдачу или забывала включить в счёт блюдо. В то лето в кафе появился терминал, я случайно вбила в него 120 тысяч рублей вместо 1200. Клиент выпил две кружки пива, не заметил. На следующий день вернулся с наваристым скандалом. Официанткой я больше не работала. На практику я зашла в ад. Подтвердилась моя с собственной школы выработанная теория: учитель ест детей или дети учителя. Эти глодали меня. Я не люблю никаких детей, кроме моей племянницы, но её редко вижу.

В так-себе-вузе хорошо было то, что там давали место в общежитии бесплатно. Но с тремя однокурсницами в комнате чуть-просторнее-купе. Дома мы с братом всегда делили одну детскую, кроме трёх первых моих лет, пока он не родился. Мать и отец занимали вторую комнату. Бабушка, пока жила, помещалась на кухне. Сколько мне хватало памяти, столько я мечтала о своём месте. Без никаких других запахов, звуков, кроме своих собственных.

Ещё во время учёбы я начала рабствовать в офисах: секретарём, потом переводчиком. После окончания так-себе-вуза я потеряла бесплатное жильё в Москве и стала снимать комнату в трёшке с двумя другими иногородними девушками. Не теми, с которыми жила в общежитии и училась. В других комнатах находились по две молодые пары. Дальше складывались различные комбинации моего существования с чужими людьми: вдвоём в комнате в двушке, где по соседству семья с ребёнком; впятером в гигантской комнате с перегородками из шкафов и с кладовкой-аппендиксом – в ней располагались ещё двое, а вся квартира была бывший балльный зал; одна в проходной гостиной в трёшке; троём в однушке и так далее. Потом я заселилась в комнату в двушке, где во второй жила рыжая девушка, которая не пользовалась ёршиком. После третьего разговора с ней я приняла решение жить всегда одна. Сколько бы это ни стоило.

Я изучила ЦИАН и отправилась в банк. Пухлый сотрудник, почти мой ровесник, вежливо-весело поговорил со мной. Спросил предположительную цену моего будущего жилья. Посчитал, что я должна буду платить банку 57 тысяч ежемесячно. В лучшие рабочие месяцы я получала 52. Но, сказал сотрудник, вы можете взять ипотеку с кем-нибудь, например вашим молодым человеком или подругой (некоторые незамужние девушки берут квартиру на двоих с подругой) или купить комнату. Я поблагодарила его и ушла. Я хотела место только для себя.

В помещении, где кроме меня обитала девочка-не-пользующаяся-ёршиком, я снова открыла ЦИАН и перешла в раздел аренды. На первой же странице я нашла свою-несвою квартиру в очень хорошем районе. Пятиэтажный рай со стареющим населением, тишина, застывшие пейзажи, минимум движения и людей – значит, насилия. Пруд, парк, церковь, река, даже усадьба. Атак, пятёрочка, сбербанк, сколоченный из металлических пластин ТЦ у метро.

Малолюдная открытая ветка, красивые, толстые и спокойные крысы на путях. 15 минут от центра и 20 от моей будущей-теперь-бывшей работы.

В моей-немоей квартире свисали свежие обои, отходили недоклеенные плинтуса, по стеклу балконной двери путешествовала трещина. Кухню ремонт не тронул. Ванная новела белым, извивалась лампочка без плафона – тот лежал на стиральной машине. Я попросила малокровного, сине-белого хозяина и гуттаперчевого агента подвесить, они закивали. Подписала договор, протянула им – и их тут же вынесло из квартиры. Я разобралась с плафоном сама.

В квартире было светло, воздушно из-за деревянных рам, окна глядели на деревья, в которых тихонько шумели птицы. Я помыла полы и поверхности, в том числе подоконники и плиту. Съездила в икею за скатертью, шторами, лампой, торшером, столом, посудой, новой решёткой-сушкой, штопором. Приклеила обои, плинтуса, закрепила специальным скотчем трещину на стекле. Купила продуктов, вина, приготовила себе спагетти с креветками. Я находилась одна сама в пространстве, которым не нужно ни с кем делиться. Это моя-немоя квартира. Только мой запах, мой голос, моё присутствие. Я даже зажгла свечи. Чокнулась бокалом с бирюзового цвета стеной. Счастливейший вечер в моей жизни.

Я никогда не хотела рабствовать. Но мне всегда приходилось. Теперь я платила 37 тысяч за квартиру, включая коммуналку. Примерно 13 оставалось у меня от зарплаты. Раньше я чуть откладывала на поездки, технику, одежду, но теперь это сделалось невозможным. Я не расстраивалась, но грустила оттого, что я так мало проводила времени в моей-немоей квартире. Всего час утром, два часа вечером до сна и выходные. Спать одной в квартире мне тоже сильно нравилось. Это был другой сон, качественнее, проникновеннее, сильнее, чем тот, который проходил при других людях. Когда у меня появилась моя-немоя квартира, я стала спокойнее, счастливее, увереннее. Живя здесь, я нашла свою последнюю работу. Даже стала лучше и быстрее справляться. Хотя всё равно недостаточно быстро. Директор говорил, что нельзя тратить 25 минут на один паспорт. Но это моя внимательность, мой перфекционизм. Зато я никогда не ошибалась. Однажды коллега перепутала дочь с матерью в свидетельстве о рождении, и клиентка почти лишилась наследства.

Я решила не дорабатывать две недели до увольнения, а взять отпуск за свой счёт. Директор обрадовался. Собрала вещи. Два нижних ящика занимал не мой хлам, я всегда хотела разобрать его, но всегда спешила домой. У тебя тоже ребёнок маленький? – спрашивали соработователи поначалу. Нет, у меня я, моя-немоя квартира, хотела ответить я. Они сочувствовали моему сокращению. Всё же мы проработали вместе четыре года. Алина, которая часто доделывала за меня паспорта, обняла меня. Виктория Алексеевна, которая часто скидывала на меня мелкошрифтовые договоры, пообещала давать подработку. А мы так с тобой и не переспали! – прокричал Иван со стола напротив, не отдирая трубку от уха. Он всё время разговаривал по телефону. Но успевал перевести больше, чем я. Я спросила, не починили ли шредер. Виктория Алексеевна ответила, что нет. Я потом рвала на куски свои ненужные бумаги, кидала их в урну. Мою урну, которая стояла под моим столом, на которую складывала ноги каждым рабствующим днём. Каждому из нас в офисе полагалась чёрная пластиковая урна.

У метро возводили гигантскую тарелку с блином и икрой. Я остановилась покурить. В груди, там, куда обычно приклеиваешь перцовый пластырь, елозило и лезло вверх в горло. Я сопротивлялась, задымляла. Выбросив окурок в урну, достала телефон и написала Соне, что меня сократили. Она тут же ответила, что это ужасно, что они идиоты и чтобы я немедленно шла к ней. То есть написала то, что нужно было. Соня – единственный человек в Москве, с которым я общалась добровольно. Мы познакомились на этой же работе: Соня пришла к нам на три месяца, а потом двинулась дальше, легко переключившись на другую профессию. За три года, что я знаю её, она побыла фотографом, журналистом, переводчиком, сценаристом, пиарщиком, личным ассистентом, библиотекарем, лектором. Удивительно то, что Соня нико-

гда не рабствовала в отличие от всех нас, остальных, она просто занималась работой. Я даже не думала начинать с ней общение, но она сама ввязалась со мной в дружбу, предложила вместе пойти на обед на второй день нашей соработы. Она сама звонила и приглашала посидеть в кафе, пойти гулять или к ней домой. Когда Соня ушла из фирмы, наше общение не прекратилось. Она всё так же звонила и предлагала встретиться. Я никогда не приглашала её или кого-то другого к себе. Соня спрашивала, не бывает ли мне скучно. Нет, не бывает. Но с ней мне иногда хотелось разговаривать. Как в тот день, когда меня уволили.

Пока я шла по Смоленскому бульвару к Парку культуры, Соня написала, что к ней заглянул знакомый народ, принёс вина и чтобы я не пугалась. Я хотела развернуться и уйти обратно к «Смоленской». Сесть в метро, проехать 17 минут, пройти 4 минуты и оказаться в моей-моей квартире с бирюзовыми стенами. Без других людей, в тепле, тишине, покое. Соня написала, что все классные и активные, и что она меня со всеми перезнакомит, и мы найдём мне новую работу. Я очень хотела выпить и чтобы меня поутешали, поэтому решила дойти до Сони. Она жила в двушке-сталинке с высокими потолками и старой деревянной мебелью бесплатно – её приятель переселился в Берлин и попросил присмотреть за квартирой. Соня приехала из Новосибирска, но жила как москвичка – то есть оплачивала только коммуналку. Москва для Сони была самобранистой скатертью. Тут Соня могла находить и брать всё или почти всё бесплатно или дёшево: жильё, одежду, медицинские услуги, проходки в театр и на фестивали, книги, путешествия. Я спрашивала её, как ей это удаётся. Она отвечала: просто я всех знаю. Это переводилось как: просто я всех люблю.

Ещё в коридоре меня обморозило голосами и смехом. Происходила вечеринка. Человек собралось не несколько, а штук четырнадцать. Они пили, говорили, перемещались, перемешивались. Я ещё не видела этого, но могла ощутить отражение действий в воздухе, услышать голоса, возню. Соня сняла с меня куртку, повесила её на свободный кусочек крючка, завешанного уже одеждой. Ровно поставила мои ботинки в общий ряд гостевой обуви. Обняла, отвела на кухню, закрыла дверь, налила чаю, предложила печенье, поговорила со мной полчаса. Сделала всё как нужно. Я вытирала глаза салфеткой с растительным узором, не пошлым-розничным, а дизайнерским-изошрённым. С синим плющом. Салфетка мягко касалась моих щёк, казалась хлопковой, а не бумажной. Звеня стёклами двери, к нам вломился худой парень с чёлкой. Он стал звать Соню, мяукать. Пытаться увести её за руки. Она – радость моя и многих других – никогда не говорила никому, что его/её шутка глупая. Она и сейчас рассмеялась и нежно сказала, что вернётся ко всем. Чёлочный пихнул в рот печенье и передразнил то, как я плюхаю носом. Соня взяла парня за шкирку и вывела его за дверь. Он ещё чуть помяукал, поскрёбся в стекло и ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.